

А.П. Якубовский

Прозрачник

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
А11

А11 **А.П. Якубовский**
Прозрачник / А.П. Якубовский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 46 с.

ISBN 978-5-458-03426-5

ISBN 978-5-458-03426-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014
© А.П. Якубовский, 2014

Якубовский Аскольд
Прозрачник

Аскольд Якубовский

Прозрачник

Таня села в постели.

- Что же произошло? - разбиралась она. - Да, случилось что-то странное и милое. Да, милое, милое...

Она приложила пальцы к глазам - помочь им вытрясти сонный песок. Ресницы затрепыхались под пальцами, и сами пальцы дрожали радостно. Эта радость побежала вниз и зашевелила ноги.

А радоваться-то было нечему - все Танины последние дни были отвратные: Вовка слишком материально посмотрел на жизнь. И вчера, и позавчера ей тошновато было. А сейчас даже радовалась чему-то.

Что же такое случилось?... Да, прилетела ночная широкая птица и крикнула ей с подоконника. Потом был сон.

Нет, сон был до птицы.

Так - птица ей прокричала часа в три, когда Таня, всплакнув, уходила в сон, а до рассвета оставалась капля темного времени.

- Фу, глупая, - сказала Таня птице.

Вначале шло мелькание, какая-то беглая рябь - лица, лица, лица... Потом громко ударило, раскатилось, и в небе прорезалась алая стрела, повисло светящееся облачко... Так - стрела перевернулась облачком, а оно стало юношей с гордым лицом. Инопланетчиком.

Лицо юноши было строгое и прозрачное. Оно просвечивало насквозь. В таком все дурное разом увидишь. И не может быть в нем дурного, нет... Приятный сон оборвался вскриком ночной птицы. Птица закричала совсем рядом, близко.

Призрачная жуть была в птичьем крике. Таня обернулась к проему открытого окна и быстро прикрылась одеялом - птица, сидя на подоконнике, смотрела на нее горящими глазами. В них бегали оранжевые искорки.

- Убирайся! - приказала Таня. - Пошла вон!

- Бу-у! - крикнула птица Вовкиным басом и поднялась в полет.

Она пустила крыльями ветер в комнату, сдув все со стола на пол, и исчезла в темноте.

В лапах птица несла большую змею.

Об этом Таня узнала по злобному шипению.

Опору телу змея вернула, схватив метавшимся хвостом лапу птицы.

Лапа была твердая. Она была нужна только на миг - не более. И в этот самый миг гадюка отвердела - вся! - и ударила в птицу концом морды. Ударила в перья, жало заблудилось в них. Змея почувство-

вала бесполезность своего удара и опять зашипела, выдыхая отчаяние. Неясыть же метнулась в резком испуге и не заметила электрических проводов. Задела их.

Провода загрели страшным гудом и выхватили змею из ее лап.

Та повисла и закачалась на проводах перед вернувшейся гневной птицей. Еще покачалась - игривой черной тенью - и упала в кусты.

Земля была мягкая, ласковая сыростью и щекотливым касанием упавших листьев. Под ними ползли большие червяки в виде лиловых зигзагов, ходила мышь, светясь теплом своего тела.

Она виделась змее розовым катящимся шариком. Язык желал коснуться этого шарика. Телу хотелось того же.

Змея хотела есть эту мышь, ощутить ее частью себя. Но в ней прошло тихое гудение. Оборвалось. Резкая судорога толкнула змею на дорожку.

Она позабыла мышь. Она ползла дорожкой, ползла открыто, ощущая жажду встречи.

Первые зорьные огоньки сели на ее глаза.

- Проклятая ползучая гадина, - сказала ей из окна Таня.

Она высунулась - належке, с припухшими глазами.

Говорила со змеей сквозь зубы, угрожала ей бровями.

- Я бы убила тебя щеткой, - говорила Таня. - Но и тебе жить надо. Уползай, змея.

В раме окна колыхалась Танина фигурка. По ней пробежали мигания утренних светов, стекавших вниз, на подоконник, на колкие шиповники, на землю.

...Снова гуденье. Что-то оторвалось и ушло.

Змее вдруг стало страшно и пусто. Страх!.. Страх!.. Она торопливо ушла в траву.

- Сигурд... Сигурд... Перехожу на прием...

Владимир Корот дежурил эту кончающуюся ночь в машинном отделении на пятисотом этаже. (Чтобы не заснуть, он пил крепкий кофе.) Прислушался молчанию... Сказал на всякий случай:

- Я плохо вас слышу, Сигурд, измените направленность на десять градусов. Перехожу на прием...

И вновь прислушался: Корот знал, голос Сигурда нужно искать долго, с китайским терпением. Только шеф брал Сигурда легко, просто, сам.

В наушниках заворочался голос, короткими мелкими движениями. Будто насекомое.

- ...Говорит Сигурд... угол изменил... передач не будет... нахожусь

в тепловых рецепторах гадюки... от транспортиции в Хамаган отказываюсь...

Это вышло ясно и твердо: "отказываюсь".

- Но, Сигурд! - вскрикнул Корот и прихватил рукой спадающие наушники. Тогда наши планы рушатся. Что скажет шеф? А моя диссертация?

- Подробности... не дам... они выматывают... я вам... не ходячая электростанция...

- Сергей, послушай... Сережа! Сигурд!

Молчание. Корот поднялся. В расстройстве он даже кулаком ударил по столу. Черт бы побрал этих фокусников!

Он потянулся к телефону: сообщить, пожаловаться шефу. И - опомнился. Светало, но в зашторенном кабинете шефа еще, конечно, ночь.

- Нет, - заворчал Корот. - Не могу же я поднимать старика ночью. Но каков свин этот Сигурд!

Встав, Таня решила: этот ее день будет холодный и синий.

Таня стала одеваться соответственно цвету дня. И хотя еще душевые холодные змейки, ползая по спине, шептали ей про шорты и белую свободную блузу, она решила: синее, и никаких!

И накинула синее платьице.

Чутким глазам этот цвет говорил. Он скажет, что Таня несчастна и холодна, а с Вовкой покончено.

Цвет обязывал. Завтракая, Таня ела чуть-чуть. (Братишки-двойняшечки так и мели со стола тартинки и вареные яйца.)

Таня ела бутерброд и медленно выпила стакан чая с лимоном.

Выпивая чай, Таня глядела в солнечное окно и слушала, как шумно вздыхала бабушка - вместе с самоваром.

В сирени у окна возились серые мухоловки. Между веток виделась автострада - утренняя, розовая. В конце ее - город, в нем Танина работа. "Хорошенькая секретаришечка, - спрашивал шеф. - Что нового в печатном мире?" (Миров у старика, как и у отца, было множество: печатный, городской, телевизионный, Танин и т.д. Наверное, земной круглый мир представлялся шефу похожим на слоеный пирог. Оттого сбор журнальной и газетной информации был нелегким делом.)

Таня прикидывала свой день.

Про явившуюся утром гадюку: надо вызвать отловителей, пусть уберут зверя. Проблема Вовки... Бабушку полностью успокоит синее платье. С мамой хуже, с ней придется говорить словами. Не прямо (таким словам мама не верит и, слушая их, щекочет пальцем кончик

Таниного носа).

Мама нужны слова косвенные.

- Какое небо... - сказала Таня. - В нем есть что-то арктическое.

- Ты так думаешь? - Мама взглянула на Таню.

- Да, облака - айсберги... Помнишь наш круиз?.. Остров Врангеля, июль, пароход, льды, любопытные нерпичьи головы, торчащие прямо из воды. Какие у них были прекрасные глаза!

- Да, да, их глаза удивительно похожи на глаза дочек Поленц. Я так сразу и сказала: Танюша, они похожи на дочек Поленц.

- Марина! - сказала бабушка. - Оставь в покое своих близких.

- Но они же походят...

- Марина!.. Повторяю, оставь своих близких, человек еще не животное. Сейчас все на зверях свихнулись, вон зятек от мяса отказывается.

- Хотелось бы мне знать, - проговорила мама сквозь зубы, - когда здесь меня будут считать взрослой и разрешат иметь свое мнение хотя бы о глазах дочерей Поленц? Да, - говорила она, - я все сношу, все.

- Марина, не занимайся саморекламой, - раздраженно заметила бабушка.

Таня покосилась на папу. Тот молчал. Он ел, глядя куда-то в свои мысленные конструкции. Тане часто хотелось увидеть их глазами отца.

Он - тихий человек - любил придумывать шумные двигатели и трудился в ракетном центре. Там все ревело, гремело, взрывалось.

Пора идти... Таня вышла, поцеловав папину, макушку и потрогав братиков за уши. Они отмахнулись головами.

"Уже превращаются в мужчин", - грустно думала она и остановилась у калитки.

Выюнки, оплетавшие все, зашелестев, протянули к ней фиолетовые граммофончики, что было как-то странно. Таня обернулась к дому. (Уходя, она всегда прощалась с ним взглядом.) Ей всегда было хорошо и покойно здесь, до этого несчастного Вовки.

Посмотрела, но что-то прошло перед ней. Будто подули дымом. Дом закачался, исчез и появился снова. "Что это? Я плачу, дуреха?" - спросила Таня себя. Она потрогала глаза - слез не было.

Такие сухие, жаркие глаза...

Таня села в рейсовый ветробус. Она не знала, что с первым рывком машины вступает в полосу странных дней и пестрых событий, что жизнь ее пойдет в зависимости от них.

Садясь, увидела котенка.

Котенок был сер и лохмат. Глаза тоже серые. Из лап высовывались серые крючочки, впившиеся в пиджак кошковладельца. Они и держали зверька.

Котенок смотрел в глаза Тани. Взгляд его был вдумчив и пристален. Он явно делал наблюдения. Таня решила: лет через тысячу, когда животные страшно поумнеют, они будут смотреть именно так. Они станут менять нехороших хозяев. Про достойного человека будут говорить: "Его и кошки любят".

"Годилась бы я в хозяйки?.. Что можно сказать обо мне хорошего?.. Двадцать лет, год секретарю. Говорят, красивая (а умна ли?). И тьма недостатков".

- Кися, - сказала Таня, чтобы устранить натянутость. - Кисик мой хороший.

Сказала и вспыхнула жаром. А котенок до конца пути смотрел на нее. В глазах его бегали светящиеся мурашки, как у ночной птицы.

...Автодактиль, треща крыльями, поднял ее на площадку пятисо того этажа. Сел, Таня, поколебавшись, вышла - ее пугала высота города. И земля слишком уж далеко: туман скрывал ее. А если и обнаруживалась в нем дырочка, то земля походила на обрывок карты.

Таня вошла в институтские двери. Здесь все нормально - дорожки и двери, двери, двери... Кабинет шефа. Таня вошла. Приоткрыла окна и, стараясь не взглянуть вниз, опустила жалюзи.

Пошла к себе.

На столе в плоской вазе была роза. Цветок ее черный, с багровыми прожилками. Маленький, сжавшийся, будто кулачок негретенка.

Отличный цветок!

Интересно, кто его принес? Таня, поставив зеркальце, поправила волосы, прижимая где надо ладошками. Вдохнула, убрала зеркало. Снова посмотрела на розу: та на ее глазах раздвигала лепестки. Они расходились и один за другим становились в положенный порядок.

Центр розы был красный, с большой водяной линзой. Она сверкнула и скатилась вниз, на полировку стола. Таня стерла водяную каплю пальцем, лизнула - так, пресная вода, аш два о.

- Работай, работай, - велела она себе. Но не выходили из головы юноша из сна, наглая птица, змея, котенок. В них был какой-то общий смысл. Но какой?

Таня вообразила себя шефом. Нахмурилась, занялась журнала-

ми. Быстро пробежала статьи, водя пальцем по колонкам. Заманчивое для шефа отмечала вставкой бумажных закладок - красных, синих и зеленых. Отчеркивала статьи для микрофильмов.

В двенадцать дня пришел шеф. Он был сердит. Но глазом это не замечалось.

- Никодим Никодимыч, - спросила она. - Правду говорят, что наша машина принимает мысли на расстоянии?

Шеф остановился - боком. Он покосился на нее, прищурив ближний к Тане глаз (тот был с красной жилкой).

- Случается. А что?

- Я бы могла с ней потелепатировать?

Шеф растянул свой рот до самых ушей: обиднее Тане за всю ее жизнь не улыбались.

- Я сказала глупое?

- Отнюдь. Но даю вам совет - телепатируйте, телепатируйте, но... но только молодым людям. "Чем нас прельщает девушка? Своими кудрями, своими синими очами, своими стройными ногами..." Так, кажется? Но есть, есть еще молодые люди, которые отдадут свой пыл исканию научных истин. Их, их оставляйте в покое! Их!

Шеф погрозил Тане пальцем и грохнул дверь. Гул прошел между стен и родил четыре эха. Каждое родило еще четыре. И звуки спутались, сплюсовались в тихий голос.

- Не огорчайтесь, Таня, - сказал этот голос. - Старик прав, но по-своему. Будет и у нас все самое лучшее...

Дверь тотчас раскинула створки.

Шеф влетел.

Остановился.

- Ага, здесь! - крикнул он. - Здесь! Приманила! Сигурд, отзовись! Приказываю! Прошу-у-у... - Шеф склонил голову, прислушиваясь.

- Это пришелец? - спросила Таня.

- Хуже, гораздо хуже. Объясню - физики нащупывают новое состояние материи. Фантастичное! Его овеществляет в себе один, только один человек. Кудесник! Гений! Монополист! И вот институт, я, работа - все зависит от него... Эх! - Шеф махнул рукой и ушел к себе, оставив в дверях щелочку. Он ходил, вздыхая за дверь, и временами старческое ухо прижималось к щели. И Тане было жаль шефа, особенно его седое ухо.

...А в обеденный перерыв роза исчезла. Должно быть, ее стащили.

Остаток этого месяца не принес Тане ни радости, ни печали. После общего психоза с каким-то Сигурдом в институте установи-

лось спокойствие с привкусом безнадежности. Многие сотрудники ушли в отпуск, остальные бестолково сустились, бегали растерянно.

У Тани были свои тревоги. В ней проявился магнетизм. Например, в саду к ней тянулось все - травы, цветы, ветки...

Таня сначала пугалась. Привыкнув, ставила вполне научные опыты. Например, держала руку над полегшей в дождь травой, и та поднималась, шевеля длинные зеленые тельца. Даже цветы распускались в ее присутствии.

Но не всегда было такое. Иногда Таня простирала руку и велела: "поднимайся, трава" или "расцветайте, маки", но трава оставалась полегшей, а маки нераспустившимися зелеными кулачками.

Приятнее всего было вечерами, в сумерки.

Белели звезды пахучих Табаков. Древесные кусты пухли, заполняли собой весь сад.

Все растительное пахло так сильно, что у папы начинались мигрени. Теперь, пообедав, он уезжал в городской пансионат, расположенный на самом верху, в облаках.

Там, поставив маленький телескоп, он вечерами созерцал пригороды, ночью - звезды...

Мама, подходя и сядя на скамью рядом с Таней, говорила:

- Танечка, маленькая, я так понимаю: аромат - это речь цветов. Они говорят тебе. Ты слушай их, они плохого не скажут. Надо жить нараспашку, простым сердцем, как живут цветы. Ты удалась мне, маленькая, ты мой цветок, ты моя красулячка.

Таня слушала, и ей стало казаться - она ширится и все берет в себя - и слова, и запахи, звезды Табаков и те звезды, что так далеки в небе; и высотные папины самолеты.

...Темнело. Загорелись окна. За десять домов от них гоготал, изображая веселье, Владимир.

- Фу-у, - корила она себя. - Я становлюсь мечтательницей. И словно жду чего.

Но ей было очень хорошо в такие вечера, и сон казался потерянным временем.

Затем пришел час встречи.

Таня не поехала домой, пообедала в кафе. А там спустилась на лифте вниз и пошла в театр смотреть "Планету Астру". Театр был в парке и походил на древнегреческий.

Актеры работали до седьмого пота. Они преображались прямо на сцене, летали на "воздушных подошвах" и т.д. и т.п. Но декораций не было, планету приходилось воображать.

Очень интересно, только болела голова.

После театра хотелось поболтать. Но Таня была одна, до последнего ветробуса оставалось часа полтора, можно было и не спешить. Таня пошла в парк - ценители лунных эффектов бродили по его дорожкам.

Таня шла по своей тени, как по коврику. Думала о Вовке.

Сегодня в машинной она слышала скандальный разговор. (Асистентские тенора и басы доносились явственно. Шеф же прослушивался в промежутках голосовых взрывов.)

Таня приложила ухо к двери, запретной для нее.

По слухам, странная машина за этой обжелезненной дверью подманивала пришельцев. Наверное, в ней что-то не ладилось.

- Затраты сил, затраты средств! - Это кричал рыжий Боневич, родившийся со счетами вместо человеческой головы. Он всегда небрит и взлохмачен, и странно, что его любит жена.

Вдруг уши Тани загорелись - сквозь дверь шел Вовкин голос. Он уверенно, твердо выговаривал слова, будто нарезал их ножиком.

- Мы... вложили... слишком... много... средств... Сергей... забыл... что... является... только... частью... системы... только зондом... в наших... руках: Мы не можем без него, это верно, но и он без нас ничто! Кто его будет транспортировать? Тратить мегаватты? Что он для других? Давайте частично вернем прежние методы (вдруг в крике спутались все голоса). - Таня, угадав общий выход, прошла на свое место. Села, уставилась на стопку журналов.

"Ладно, разберемся, - думала она на ходу. - Вовка... Противный голос, самоуверенность, шуточки его плосколобы. Силен, бицепсы, трицепсы! Он заработал их, скача по спортплощадкам. Не зря шеф говорит, что мозговые Вовкины структуры пленочного характера. Зато внешнее оформление на уровне. Блеск! Треск".

Сигурд сел на скамью - нога на ногу.

Место ему определенно нравилось. Бузина подняла лапистые ветки. Он протянул было руку, чтобы щипнуть лист, но спохватился. Он думал в ожидании Тани, думал, что еще свободен, что перед ним лежат два пути, прежний и новый.

Под кустами шатались коты. Двойные огни их глаз мерцали повсюду. Это был народ, выдавший разные виды. Такой именно кот и вскочил на скамью. Он был громаден и неряшлив и носил только половину хвоста.

Сигурд махнул рукой, но кот не обратил внимания и прошел сквозь него.

- Проклятое животное, - засмеялся Сигурд. - Не путает сущности